

Глава XXXVIII

Розы и тернии

Тихая семейная жизнь в доме Дяди Соля следует¹ своему мирному течению в продолжение нескольких недель без малейшей внешней перемены; но маленькая Бетси, хотя чувствуя себя счастливее, чем когда-либо в жизни своей, делается с каждым днём бледней и задумчивее. Часто находит её Дядя Соль сидящей тихо на садовой скамейке; держа в худой маленькой ручке своей цветы, Бетси так пристально смотрит на них, что можно подумать она прислушивается к тайному, слышанному ею одной лепету растений этих, которые, исповедуя ребёнку чистые мысли свои, рассказывают ей о других цветах, цветущих в далёкой прекрасной стране духов, где никогда они не блекнут и не умирают.

Добрый Дядя Соль привязался к этому бедному, заброшенному так долго ребёнку всеми силами своей честной, любящей природы. Всё, что мог придумать он для доставления ей утешения или забавы, было сделано. Кротко и серьёзно улыбалась девочка в подобные минуты, не по-детски благодарила его и впадала снова в задумчивость.

Бробите, зная её страсть к цветам, поместил её в хорошенькой комнате нижнего этажа, выходящей окнами в сад. Решившись отдать слабую здоровьем девочку как можно позднее в знаменитый «Дом Монахинь», Дядя Соль сам учил её читать и писать; и такие успехи делала его ученица, что добрый джентльмен не раз сознавался, смеясь, как легко мог бы он заменить покойную Мистрисс Сапсеа, когда она принуждена была уступить свою «Семинарию для Девиц», принимая на себя великую честь быть супругой «Разума».

У Бробите был заведён раз навсегда порядок в доме – пить чай в четыре часа пополудни; после чего он обыкновенно брал за руку Бетси и выходил с нею в свой любимый сад.

В один день, именно в тот, на котором открывается наша глава, старик ходил с маленькой Бетси по цветущим аллеям и старался развеселить её различными рассказами о свойствах растительного царства. Девочка одета всё в то же старенькое платье, купленное ей родительницей Фопперти за часть денег, полученных ею от Джаспера; и хотя много новых нарядов было подарено ей Содем, она почему-то постоянно отказывается надевать их. Часто ласково укоряет он её за это нежеланье, называя её гордой девочкой и прося нарядиться хоть раз ради него. Но Бетси всегда находит какую-нибудь детскую отговорку, и, боясь раздражить её еще более, Соль не настаивает. В этот день он снова наводит разговор на эту тему и замечает, что его маленькая племянница делается такой неприступной, что скоро, быть может, откажется и выходить вместе с старым дядей своим, одетым в изношенный сюртук и в старые штиблеты. Бетси подымает к нему свои задумчивые² большие голубые глаза и, прижавшись сильнее к руке старика, отвечает:

«Дорогой мой Дядя Соль, я знаю, что вы только шутите со мною. Но чтобы вы в самом деле не рассердились на меня за это, я лучше скажу вам всю правду, почему я не хочу носить этих хорошеньких платьиц. Они такие свежие и чистые, без одного пятнышка на них, что я боюсь даже притронуться к ним, чтобы не замарать их тем пятном, которое лежит на мне. Об этом пятне сказала мне бабушка Педлар в тот день, как вы взяли меня к себе. Случись мне замарать их, я стала бы чувствовать за них тот же стыд, какой я чувствую к несчастной девочке, которой они подарены».

«Что такое говоришь ты, дитя? – восклицает бедный Дядя Соль, открывая изумленные глаза во всю их ширину. – Бабушка твоя, или, скорее, та, которая была когда-то бабушкой, – злая, глупая болтунья, и ты не должна обращать вниманья на её слова. Посмотри вон на этих летящих птичек; послушай, как весело поют они; они не унывают и не гnevят Творца своего за посланную им долю; тем менее должны унывать люди, и какая бы ни была их горькая доля, они не должны роптать на Него!»

«Я и сама часто думаю, что грешно мне так скучать и чувствовать, тогда как вы так стараетесь баловать и любить меня. Я знаю, что Бог добрый, и вижу доброту Его во всём – и в вас,

---

¹ Далее зачеркнуто: *за*.

² Далее зачеркнуто: *свои*.

и в этих маленьких хорошеньких цветочках, которые Он посылает нам, но я не могу, не могу, Дядя Соль, заставить себя быть веселее, – продолжает бедное дитя, едва удерживая слёзы. – Днём и ночью я вижу над собой лицо, такое грустное и скучное, и знаю я, что это мама моя, хоть лица ее не помню живым. И так меня тянет к ней, так хочется мне улететь с ней, что кажется, не буду я никогда веселей, пока оно не сбудется».

Дядя Соль так озадачен всеми этими словами, что не находит ни одной мысли в ответ ребёнку. Странно сжимается его любящее сердце, слушая её, и грустное предчувствие, что скоро потеряет он этого ребёнка, не оставляет его; он смотрит на неё и продолжает молчать.

К счастью его, грустный разговор этот прерывается Бритвой, которая показывает свой острый облик меж осенних георгин.

«Сэр, – говорит она, – к вам пришел какой-то седой джентльмен и ожидает вас в приёмной».

«Разве не сказал он своего имени?» – спрашивает Дядя Соль.

«Нет, сказал, да только такое чудное, что я совсем позабыла. Хетчите или Смешите, право, не вспомню, сэр».

«Должно быть, это Дэтчери из Дома у Калитки, – замечает Бробите, – да только я с ним не знаком. Что ему нужно от меня?»

«Может, сэр, вы скорее бы отгадали, когда б сами спросили у него», – замечает Бритва.

«Весьма, весьма разумное замечание с вашей стороны, Бритва; сейчас иду; попросите обождать».

Горничная ушла, и Соль еще раз обращается к Бетси, спрашивая, как она хочет, ждать ли его возвращения, или же вернуться домой?

«Да, я пойду лягу лучше, Дядя Соль, – отвечает ребёнок. – Мне кажется, что у меня что-то болит, только не знаю где. Я опять видала за решеткой большие черные глаза этого – этого джентльмена, что приходил к бабушке и к Фопперти. Неужели правда то, что мне сказала бабушка?» – прибавляет она, со страхом оглядываясь кругом.

«Что такое еще сказала тебе “бабушка”?» – нетерпеливо спрашивает Бробите, мысленно отправляя старую родительницу в очень знойное место.

«Она сказал мне, – отвечает Бетси, и крупные слезы катятся у ней по лицу, – будто этот джентльмен – с злыми глазами – мой отец! О, Дядя Соль, разве это возможно?»

Но Дядя Соль так же мало знает об этом щекотливом предмете, как и сама Бетси, и потому предпочитает прервать этот опасный разговор и увести разом девочку в дом.

Мистер Бробите, войдя в приемную, находит в ней не только Дэтчери, но также и Мистера Фопперти, который представляет Седовласого хозяину и снова садится на прежнее место, на котором продолжает сидеть неподвижно, устремив глаза на узорчатый ковер с таким вниманьем, что можно подумать, будто он считает нитки этой ткани.

«Постараюсь, – говорит Дэтчери, – задержать вас как можно менее. Поэтому тотчас же заявляю, что обязан этому джентльмену (указывая на Фопперти) большим для себя открытием».

Бробите бросает доброжелательный взгляд на Фопперти, всё-таки не понимая, в чем это открытие последнего Дэтчери может интересовать собственно его самого.

Но Фопперти не подымает глаз с ковра и продолжает так же внимательно считать нитки.

«Вы, вероятно, заметили уже, сэр, – продолжает Седовласый, – что по наружности я кажусь почти одних с вами лет. Но наружность бывает обманчива. Много странствовал я по морю и по суше и много выпало на мою долю горя и лишений. Скажу более, такое горе, какое выпало на мою долю, редко, очень редко не убивает человека. Но прежде, чем стану продолжать, позвольте мне надеяться, что всё, сказанное мною, останется между нами в величайшей тайне до поры до времени».

Бедный Дядя Соль, чувствуя, что уже дошел до последнего предела удивления, становится с этой минуты готовым ко всему и уверяет честью джентльмена, что готов сохранить всякую тайну, лишь бы только она не навредила ни в чём ближнему.

«В этом можете быть уверены, сэр. Тайна хотя касается одного меня, но разоблачить её заранее было бы равномерным, напротив, повредить человечеству. Как я узнал сегодня только, вы взяли под свое покровительство и на воспитанье ребёнка, весьма близкого мне; родство это кровное; и хотя я не желаю заставить вас подумать, что я способен упрекнуть в чем-либо это дитя,

но я должен, несмотря на то, сознаться, что рождение этой девочки обрушило на мою голову – хотя и косвенным путем – более горя и бесчестия, нежели пожелал бы я своему самому лютому врагу».

Седовласый останавливается, и по бледности его смуглого лица, как и по прерывистому тяжелому дыханию, Бробите может судить, как тяжело было это страдание в первое время. Но старик молчит, и Дэтчери продолжает:

«Не стану утруждать ваше вниманье долгим рассказом. История жизни моей может быть описана в немногих словах. Пятнадцать лет тому назад я находился на службе [у] Ост-Индской Компании и, получив место капитана на одном из судов ее, уехал счастливый и довольный своим положением, оставляя, – как думал я в то время, – старую мать и обожаемую двенадцатилетнюю сестру в безбедном положении».

Опять прерывается рассказ Дэтчери, и снова он как бы борется с воспоминаниями.

«Сестра эта была гордостью нашей и украшеньем скромного очага. Мало братьев могут любить своих сестер, как любил я свое сокровище. Любовь эта заставила меня поклясться самому себе, что неустанно буду работать я многие годы только для того, чтобы сделать её счастливее. Многими годами старше ее, она была для меня столько же дочерью, как и сестрой, со дня смерти нашего отца, погибшего на море. Мать моя была женщина совершенно простая, но в высшей степени честная и добрая. Какова сделалась участь обеих, вы сейчас узнаете.

Не прошло и двух месяцев со дня моего³ отъезда, как обыкновенная случайность – буря и туман – отбросили нас далёко, на незнакомые берега. Наткнувшись на мель, мы с каждой минутой ожидали смерти, и умерли бы, благословляя её, знай только мы, что ожидало нас впереди. На первую же ночь мы были захвачены и ограблены Малайскими Пиратами, которые предложили нам на выбор: или присоединиться к ним, или же быть оставленными на острове, знаменитом своими дикими каннибалами. Ни один из нас не предпочёл первого, повторяю это с гордостью за себя и за своих товарищей; к утру мы очутились одни, без воды, ни куска хлеба и почти нагими на ближайшем острове. Не прошло и двух часов, как нас заметили, окружили и все, кроме трех, меня и двух товарищей, были убиты и съедены. Товарищи умерли через несколько дней, остался я один; полагаю, что меня сохраняли в виде редкости или же что, к горю моему, они не почли меня за довольно лакомый кусок. Девять долгих лет не видал я ни одного белого лица, но к тому времени я стал замечать, что за мною менее присматривают, и успел бежать, бросившись в море, заранее заметив вдалеке парусное судно. К счастью моему, судно оказалось принадлежащим нашему торговому флоту. Но оно увезло меня сперва в Индию, где я должен был остаться на несколько лет и где приобрел себе порядочное состоянье. Не получая писем в ответ на мои письма, я списался с одним товарищем, прося его отыскать мать и сестру. Не знаю, что понудило его к подобной лжи, но он написал мне в ответ, что мать и сестра здоровы и что последняя счастливо вышла замуж, но адреса их не прислал. Счастливый выше всяких слов этим известием, я стал работать еще усерднее, откладывая со дня на день и с года в год свой отъезд, желая обрадовать старую мать и дорогую сестру мою независимым состоянием, которое мечтал я передать ей со дня своего неожиданного для них возвращения. Как горько проклинал я это состояние с тех пор!

Наконец, почувствовав непреодолимое желанье увидеть их, а может быть и увлекаемый таинственной рукою Судьбы, я превратил всё свое состоянье в наличные деньги и, передав их в Английский Банк, заранее сделал своё духовное завещанье в пользу сестры в случае смерти или другой какой случайности на море. Окончив все эти необходимые предосторожности, я пустился в путь и через несколько месяцев благополучно добрался до родины. С сердцем, переполненным ожидающей меня радостью и великого счастья обнять своих, столь милых мне сестру и мать, я, не останавливаясь, поспешил к нашему старому жилищу, но в нём никто и не помнил их. Нетерпеливо ожидал я другого дня, чтобы постараться найти товарища, который писал мне о них, но он умер. Так прошло две недели в бесплодных поисках, и я было уж предался отчаянию, когда вдруг вспомнил о некоей старой приятельнице матери моей, жившей в отдаленной части города. От нее узнал я, что с тех пор, как мать с сестрой перешли жить на новую квартиру, она не

---

³ Далее зачеркнуто: *отъе*.

слыхала об них более, и с этого дня прошло более восьми лет. Всё-таки, тщательно записав адрес дома, я прямо отправился туда.

Не знаю почему, но когда я стал подходить к этому зданию, страшное предчувствие чего-то недоброго овладело мною, и я постучал у двери с таким чувством, как будто боялся увидеть одни могилы их вместо их самих. Мне отперла совершенно незнакомая женщина, и на все мои расспросы долго не могла припомнить никого, кто назывался бы моим именем. Но потом вдруг вспомнила.

“Ах, да, – сказала она мне, – мать-старуха и дочь-красавица. Долго говорили о них старые жильцы, только эти две женщины несчастливо расстались с домом. Молодая лэди, как я слышала, была обеспечена каким-то негодяем, родила девочку и с горя померла, а старуха-мать пропала после смерти ее без вести!”

Как я не умер на⁴ том самом месте, на котором услышал подобное известие, я не знаю. Не знаю также, что подумала обо мне эта женщина, но помню, что, сжалась, вероятно, над моим страданием, она назвала мне еще один дом, где я мог узнать кое-что. В этом доме я узнал только то, что если успею открыть одно семейство по имени Педлар, то узнаю от них многое. От дома к дому и от одних соседей к другим я отыскал, наконец, этого молодого человека. И лучше бы умер я в неволе своей, нежели довелось⁵ мне услышать то, что услышал я от него! Моя чистая, дорогая, бесценная сестра, которой я посвятил все дни и часы жизни моей, обеспечена и многие годы как умерла, а бедная старая мать сделалась уличной бродягой, нищей!»

С бледными щеками и крепко стиснув зубы при последнем восклицании, Седовласый закрывает себе лицо руками, и только судорожные подергиванья плеч указывают, как велико страдание этого сильного мужчины. Доброго Дядю Соля влечет к нему невыразимое сочувствие, и даже Фопперти приостанавливается в своих математических исчислениях и смотрит на него исподлобья с искренним чувством жалости на грубом лице. Наконец, Дэтчери успеваает овладеть собою и продолжает среди мёртвого торжественного молчанья.

«С той минуты, сэр, – медленно произносит он, – я поклялся посвятить всю остальную жизнь мою на страшное отомщение тому, кто погубил целое наше семейство, если этот человек находился еще в живых. Взяв с Фопперти честное слово в том, что он никогда не произнесет моего имени, я дал ему нужные средства – по отыскании негодяя – переселиться сюда на житьё.

Мать я долго не мог отыскать, но, наконец, и в этом мне посчастливилось; но в видах собственной пользы ее, хотя я и пекусь невидимо о ней, она не должна знать, что я так близок к ней, по крайней мере, еще на некоторое время.

Хотя так как это чудовище никогда не видало меня и поэтому трудно было бы предположить, что он узнает брата жертвы своей, но из предосторожности и чтобы менее рисковать быть признанным матерью в случае, если я где встречу её, я успел так изменить себя, что первое время почти сам не узнавал себя в зеркале. С первого вечера мне посчастливилось найти себе квартиру в одном с ним доме. Едва я успел перебраться, однако же, туда без всякой определенной еще мысли, как узнал, что племянник его пропал без вести. Я тотчас же заподозрил его, и с тех пор работаю медленно, но верно, чтобы сперва вывести негодяя на чистую воду, а затем расквитаться с ним самому».

Медленно и спокойно, по обыкновению своему, произносит эти последние слова Дэтчери, но всякий, услышав их, прочёл бы в выражении этого сурового лица смертный приговор Джаспера.

«Я думаю, что было бы напрасно рассказывать вам, до какой степени я успел доселе в моём предприятии. Скажу вам одно: с каждым днём он выдает сам себя все более и более, запутываясь в своём преступлении и помогая нам лучше всякого другого уличить его. Всё это тёмное дело скоро должно распутаться само собою. Я пришел к вам только для того, чтобы вы знали человека, который так близок к ребёнку, по-видимому, искренно любимому вами, и охранили бы его от зла. Этот человек на всё способен. Следя за ним неусыпно, я знаю также, что он часто прячется возле вашего дома. Какие черные, адские мысли питает он в своём чудовищном сердце касательно несчастной девочки, не возьмусь теперь решить; в одном вполне уверен: ничего, кроме

---

⁴ Далее зачеркнуто: э.

⁵ Далее зачеркнуто: бы.

преступного, не может гнездиться в этой душе. Берегите Бетси; молю Бога об том, чтобы никогда не вселяла она ни в ком чувства, подобного тому, которое отравило всю жизнь мою через ее несчастную мать!»

«Искренно и глубоко сочувствую вам, сэр, – отвечает Бробите, – и всем сердцем своим презираю ненавистного негодяя. Последние слова ваши напоминают мне нечто, сказанное перед самым свиданием нашим малюткой касательно этого человека, которого она инстинктивно избегает, хоть, боюсь, и подозревает в нём отца своего. Бетси замечательно развитой ребёнок, и если Господь сохранит мне её, из неё выйдет столь же замечательная женщина».

«Мать ее, – задумчиво замечает Дэтчери, – была не менее замечательной по уму и раннему развитию своему девочкой, и была настолько же нравственно выше чудовища, соблазнившего её, как ангелы небесные – выше демонов. Но это не помешало ей погибнуть. Самая чистая лилия не может помешать гнусному пресмыкающемуся червяку подточить её у самого корня, так же как не могла дорогая моя, несчастная сестра понять в своей сердечной чистоте, что этот человек искал лишь одной ее гибели».

Когда Дэтчери встал, чтобы проститься, Дядя Соль попробовал еще раз склонить его к свиданию со своей любимицей. В сердечной невинности своей добрый старик надеялся, что, быть может, помешает подобным знакомством с чистым и невинным ребёнком мщению, по-видимому, столь глубоко вкоренившемуся в непреклонной душе Седовласого.

«Не желаете ли вы, сэр, – робко произносит Бробите, – повидаться с Бетси. Может быть, она успеет успокоить вас несколько...»

«Нет, благодарю вас, не теперь, – отрывисто отвечает холостяк, – теперь поздно, и мне пора идти по другому делу. И так до свиданья».

И так, Дэтчери уходит из дому старого честного Бробите и оставляет последнего в сильном замешательстве и страхе о последствиях. Хотя имя Джаспера не было ни разу упомянуто, но Дяде Солю не трудно было узнать его, конечно. Постоянно является в нём воспоминанье слов девочки: «Я опять видала эти злые черные глаза из-за решетки», и беспокойно отправляется он спать в этот вечер.

Дэтчери и Фопперти отошли всего только на несколько шагов от дома Дяди Соля, когда заметили приближающуюся к ним знакомую фигуру Младенца-Феномена. Подкравшись, как кошка, к холостяку, он толкает его под локоть и произносит шепотом:

«Видите цель? Видите кременёк?»

«Какую цель и какой кременёк?» – спрашивает Дэтчери с любопытством.

«А вот глядите в оба», – отвечает Депутат, и, ловко пустив довольно большим камнем в какую-то неподвижную тень, притаившуюся под стеной напротив дома Соля, он испускает рычанье наслаждения, когда эта тень, быстро поднявшись на ноги, так же быстро исчезает прихрамывая.

«А что, не цель разве?» – восклицает ликующий Младенец и пускается в фантастическую пляску.

Затем, дёргая Дэтчери за руку и наклоняя ухо его к природной, широко раскрывающейся расщелине вместо рта, шепчет:

«Вас требует к себе тот, в гостинице, что приехал с *Лундуна*⁶, приятель, такой черный из себя, нашего пастора».

«А! – проговаривает сквозь зубы Дэтчери, – стало быть, мне надо идти. До свиданья, Фопперти, – также шепотом говорит он товарищу. – Тартар ожидает нас с племянником».

«Ты славный мальчик, Уинкс, и проворный, – обращается снова Дэтчери к Депутату. – На тебе за то».

И он подает ему несколько мелких монет.

«Вот раздолье-то! – вопит Младенец на всю улицу. – А тот шустрый-то, что проглотил только что мой камешек, он не желает видать Дэт-че-рая, нет! А – я! А – я! То Джарспер, небось, сам он и есть; ишь ты, как заковылял-то крикун из Кин-фри-драла! Недаром я вышел в проходку из-за здоровья своего, да и вытравил его из-под забора. Ей-я!»

---

⁶ Речь идет, по всей видимости, о Китае.

И в диком восторге от удачной травли Депутат снова пускается в воинственный танец торжества Американских краснокожих, припевая:

«Уйде, уйде – уень! Ти!

Я сло-вил е-го после десяти!»

И заключает уединенное преставление в собственную пользу, маршируя головою вниз, а ногами вверх в виде демонского ариер-гарда удаляющимся Дэтчери и Мистеру Фопперти.